

УДК 94(470)"1800/1850"(=22)

Вартаньян Эгнара Гайковна

Vartanian Egnara Gaikovna

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры новой, новейшей
истории и международных отношений КубГУ
тел.: (918) 45-92-036

Doctor of history, Professor of Modern, Contemporary
history and International relations department of
Kuban State University
tel.: (918) 45-92-036

**ЗАКАВКАЗЬЕ И МАЛАЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ
РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
И КУРДСКИЙ ВОПРОС**

**TRANSCAUCASIAN REGION AND ASIA
MINOR IN THE RUSSIAN POLICY IN THE
FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AND
THE KURDISH QUESTION**

Статья посвящена политике России в Закавказье и Малой Азии в контексте Курдской проблемы. В результате русско-иранских и русско-турецких войн границы Российской империи приблизились к Курдистану, а часть курдов перешла в подданство России. Россия осознавала неизбежность столкновений её интересов в регионе не только с Турцией и Ираном, но и с соперничающими с ней в регионе Великобританией и Францией и перешла к более сбалансированной стратегии в Закавказье и Малой Азии.

The article is devoted to the Russian policy in Transcaucasian region and in Asia Minor in the context of the Kurdish problem. As a result of the Russian-Iranian and Russian-Turkish wars the borders of Russian empire approached to Kurdistan region and some Kurds took out the citizenship of Russia. Russia realized the inevitable collision of interests in this region not only with Iran and Turkey, but also with Great Britain and France; and moved to a more balanced strategy in the Transcaucasia and Asia Minor.

Ключевые слова: курды, восточная политика, стратегия России, мюридизм, соперничество великих держав.

Key words: Kurds, Eastern policy, the strategy of Russia, Muridism, great power rivalry.

Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России за 2009 –2013 гг. по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.B37.21.0966)

Присоединение Закавказья к России открывало широкие перспективы для развития торговли с азиатскими странами, что, с одной стороны, обеспечивало Россию сырьем, с другой – расширяло рынки сбыта российских товаров. Особое значение придавалось Каспийскому и Черному морям, через которые можно было развивать широкую торговлю со странами Востока. Для России Закавказье и Малая Азия были также регионом военно-стратегического интереса. Активизируя свою политику в Закавказье во второй половине XVIII в., Россия осознавала неизбежность её последствий для отношений с Ираном и Турцией. Менее ясные представления она имела о том, как наиболее целесообразно использовать закавказскую внутривнутриполитическую ситуацию, чтобы обойтись наименьшими материальными и людскими потерями. Ставка на одного «клиента» (долгое время им была Картли-Кахетия) ограничивала возможности привлечения на свою сторону других и провоцировала их на поиск иранского или османского покровительства.

Борьба России за господство на Черном море шла с Османской империей, которая в XIX в. была уже политически слаба и превращалась в полуколонию европейских стран. Между великими державами усиливалась борьба за преобладающее влияние на Османскую империю и все принадлежащие ей владения. Самая могущественная в тот период держава – Англия, боясь усиления России и превращения ее в морскую державу, всячески подстрекала Османскую империю и Иран на войну с Россией.

Курды, проживающие на территории Закавказья, в начале XIX в. попали под власть России (по Гюлистанскому договору с Персией 1813 г.) [1]. В результате последующих договоров России с Персией (Туркманчайский 1828 г.) и Османской империей (Берлинский 1878 г.) другие районы, населенные курдами, также вошли в состав Российской империи. В соответствии с этими договорами Россия приобрела Карабахское ханство, территорию Елизаветпольской губернии, Эриванскую область, Карс и Ардаган. Таким образом, часть курдского населения перешла в подданство России. Очевидно, что во всех этих районах среди курдского населения, кроме оседлых, были и кочевники, которые передвигались со своим скотом в карабахские эйлаги. Зафиксированы случаи массовой миграции курдов в этот период из Персии в Россию.

Российские курды находились в сложном материальном положении, главным образом, в ре-

зультате политики царских властей в Закавказье. В целях увеличения площадей пахотных земель русские чиновники передавали кочевья, которыми пользовались курдские племена, переселенцам из центральных губерний. Для части курдов, переходивших к оседлости, уже не осталось свободного земельного фонда. К тому же царское правительство в 1901 г. увеличило поземельный налог. Поэтому в поисках средств к существованию курды нередко бежали за пределы империи [2]. Недовольство курдов вызывали жестокие административно-полицейские порядки, с помощью которых местные власти стремились ликвидировать традиционные вольности курдов.

Русско-иранская война 1804–1813 гг. не разрешила русско-персидских противоречий в Закавказье. Персия вовсе не хотела мириться с потерей территорий и ждала удобного момента для реванша и аннулирования результатов Гюлистанского договора. Подстрекаемая Англией, она готовилась к новой войне с Россией. В 1826 г. 60-тысячное персидское войско, нарушив Гюлистанский договор, внезапно напало на территорию Карабаха. Аббас-мирза планировал занять Шушу и Елизаветполь, укрепить тыл своей армии, а затем приступить к штурму Тифлиса. Однако иранские войска потерпели поражение. Русские войска штурмом взяли Эривань, а 13 октября 1827 г. вошли в Тебриз. 10 февраля 1828 г. был заключен Туркманчайский мирный договор, в результате которого Восточная Армения присоединилась к России [3]. В результате границы Российской империи приблизились к Курдистану. Российские власти на Кавказе старались завязывать контакты с курдами, если не использовать прямо, то добиваться их нейтрализации [4].

Престиж Ирана среди курдов в результате поражения Персии в 1826–1828 гг. упал. Некоторые курды выразили готовность совместной войны против Османской империи и искали в этом покровительства России. Некоторые курдские племена обращались к российским властям с просьбой о переселении и получении российского подданства. Однако генерал А.П. Ермолов, который обязан был соблюдать выполнение условий Гюлистанского договора, вежливо отказывал им. Кроме политических причин учитывался и религиозный фактор – курдов считали неблагоприятным элементом по причине общности религии с персами и турками, т.е. с враждующими с Россией Турцией и Ираном. В то же время ассирийцы, оказав во время русско-иранской войны 1826–1828 гг. услуги русской армии в качестве проводников, получили право переселиться из Урмийской области в пределы Закавказья. Но когда в 1840-х гг. ассирийский священник из Ирана Ш. Аракан попросил у наместника Кавказа графа М.С. Воронцова разрешения для переселения ассирийцев на Кавказ, М.С. Воронцов отказал ему, указывая по этому поводу в письме министру иностранных дел К.В. Нессельроде: «Мы не можем разрешить несторианам поселиться на Кавказе, но поддержание с ними сношений и покровительство перед правительством Ирана очень необходимы для укрепления доверия к нам с тем, что в будущем они будут нам нужны» [5].

Иранский шах Тахмасп I именно на севере искал себе союзника, способного перекрыть пути для крымской конницы в Иран. Так создавалась общность интересов Ирана и России против Турции. Выход России на берега Каспия объективно помогал Ирану, находившемуся между двумя враждебными ему государствами – Турцией и Афганистаном.

Россия и Османская империя вопреки своим национальным интересам вовлекались в конфликты интригами европейской дипломатии, игравшей на имперских амбициях турков, сложностях межэтнических отношений, социально-экономической и религиозной неоднородности России и Османской империи. Поэтому одной из проблем взаимоотношений России и Турции были права христианского населения Османской империи и мусульманского населения России (в первую очередь горцев Северного Кавказа и Закавказья).

В русско-турецкой войне 1827–1829 гг. курды не принимали участия. В 1828 г. паша Баязида курд Бахлул в поисках надежного союзника обратился к главнокомандующему российскими войсками в Закавказье графу И.В. Паскевичу с просьбой о помощи. Однако И.В. Паскевич счел преждевременным начинать войну против турков на эриванском фронте. Бахлул-паша имел большое влияние на курдов санджака Хой, на племена, кочевавшие между Аладахом и оз. Ван, поэтому сотрудничество с Бахлулом-пашой могло быть на руку России. А в период осады Баязида Бахлул-паша предложил сдать крепость России при условии сохранения его жизни, имущества, вооруженного отряда пехотинцев и кавалерии в несколько тысяч человек. Император Николай I одобрил предложение о поддержании контактов с курдами и для привлечения их на сторону России дал разрешение на использование для этих целей испрашиваемой графом И.В. Паскевичем суммы в 100 тыс. червонцев. Правда, российские местные начальники отдали предпочтение армянам и из указанной суммы лишь 4 тыс. червонцев было потрачено на эти цели, а 96 тыс. – на нужды армян, бежавших из Турции или переселенных на Кавказ после военной кампании 1828–1829 гг. [6].

Политические позиции России в Османской империи были серьезно укреплены подписанием

8 июля 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора, который предусматривал политические консультации сторон и военную помощь друг другу в случае угрозы извне или изнутри. Кроме того, Османская империя обязывалась закрывать проливы для военных судов третьих стран в случае вооруженных конфликтов [7].

Успехи восточной политики России вызвали недовольство европейских держав, которые в 1840-е гг. делали все возможное для того, чтобы срок Ункяр-Искелесийского договора не был продлен по истечении восьми лет, предусмотренных при его подписании. На смену ему пришла система коллективных гарантий безопасности Турции по Лондонским конвенциям 1840 и 1841 гг. Последними был определен иной, менее удобный для России режим проливов: они ставились под международный контроль и в мирное время были открыты для торговых и военных судов всех стран. В военное время проход их определялся по усмотрению Турции [8].

В начале 1850-х гг. Николай I противопоставил восточную политику России европейскому политическому миру. Притязая на монопольное покровительство православному населению Османской империи, российский император ошибался, считая, что ни Англия, ни Франция не пойдут на решительную борьбу против этого. Трагизм положения Николай I вполне ощутил лишь в начале Крымской войны 1853–1856 гг., когда стало ясно, что воевать придется в дипломатической изоляции и не со слабой Османской империей, а против коалиции ведущих европейских держав и не на Дунае и Балканах, а на российской территории, в Крыму.

В Крымской войне курды не принимали участия ни на османской, ни на российской стороне. Один из руководителей курдских восстаний Йзданшир хотел использовать войну для объединения курдов и создания независимого Курдистана. Воспользовавшись массовым возмущением действиями турецких властей в Курдстане, Йзданшир призвал своих сторонников к восстанию. Выдвинутый им лозунг ликвидации османского владычества нашел широкую поддержку среди курдов.

В Петербурге желали активной поддержки со стороны курдов русских войск. Это признавалось «делом первостепенной важности», как писал военный министр России главнокомандующему Кавказской армией в апреле 1852 г. [9]. Причиной тому было не только соперничество великих держав на Балканах и в Малой Азии, Крымская война, но и война на Кавказе, движение мюридизма. Кавказская война требовала немало усилий со стороны России. 270 тыс. военных находилось на Кавказском фронте с 1854 г. до середины 1856 г. [10]. Большие опасения вызывали у царского правительства сообщения о попытках Шамиля установить связи с некоторыми курдскими феодалами. Об этом писал российский консул в Тебризе Н.В. Ханьков в 1852 г. [11]. Он подчеркивал, что у курдов «завелись мюриды», самый крупный среди них шейх Сеид Таха, который имеет десятки тысяч мюридов и поддерживает регулярно связи с Шамилем. Шамиль посылал письма и подарки шейху Сеиду Таха, крупному курдскому феодалу Керим-хану Равандузскому и др.

Царские власти были крайне заинтересованы в изоляции движения мюридизма, тем более с началом Крымской войны возникла опасность координации действий Шамиля и турецких войск. Имеются сведения о том, что некоторые курдские вожди откликнулись на предложения России о сотрудничестве, например, Али-ага, представители которого передали 15 сентября 1853 г., что курды племени хайдаранли готовы поддержать Россию. Али-ага, опасаясь преследований турков после подписания мирного договора между Османской империей и Россией, вынужден был переселиться в Персию.

Российское командование наблюдало за ростом антитурецких настроений среди курдов под руководством Йзданшира. Со своей стороны Йзданшир выжидал удобного момента для восстания против Османской империи.

Восстание Йзданшира началось зимой 1854 г., количество его участников достигло 100 тыс. чел. Порты вынуждена была перебросить против Йзданшира часть своих войск из районов Алашкерта, Эрзурума, Уч-Килиса, Баязида и даже Карса. Для успешного наступления России на этом участке создалась чрезвычайно выгодная ситуация. Русские войска, кстати, не испытывали проблем с продовольствием, так как жители Вана обеспечивали их продуктами [11].

Восстание курдов заставило турков открыть еще один фронт – зимой 1854–1855 гг. большая часть турецкой армии была отозвана для подавления восстания Йзданшира. Турецкие войска заняли основные города и узлы дорог, оттесняя повстанческие отряды в горы. Сам Йзданшир находился в горной местности в своей родовой крепости и готовился весной продолжить борьбу. В феврале 1855 г. Йзданшир постарался выйти на контакт с Россией, но не получил никакого ответа. Дошли ли по назначению послания Йзданшира? Если да, то пассивную позицию России можно объяснить природными условиями, поскольку в зимнее время многие горные перевалы были непроходимыми, а также наличием разногласий среди военно-политических деятелей России по поводу развития отношений с курдами.

Великобритания и Франция выступали против создания независимого Курдистана, опасаясь контроля России над ним. Поэтому английский консул в Мосуле Н. Рассам зимой 1855 г. отправился к Йзданширу с предложением посредничества Англии в переговорах с Портой по вопросу о независимости Курдистана. Для прекращения восстания он стал подкупать курдских вождей. Как видим, английские правящие круги в должной степени оценили опасность событий в Курдистане и дали своим политическим представителям в восточной Турции указания принять любые меры для ликвидации восстания. Йзданшир поверил обещаниям Н. Рассама (не дождавшись ответа от России) и согласился на его посредничество в переговорах с турецким пашой. Фактически британские агенты пошли на открытую провокацию. Н. Рассам заручился согласием Йзданшира на встречу с уполномоченным султана, гарантировав от имени турецких официальных лиц безопасность руководителя повстанцев. В начале марта 1855 г. Йзданшир отправился в назначенное место встречи для переговоров по урегулированию спорных вопросов, но по пути его арестовали и отправили в Стамбул [13]. Весной 1855 г. восстание было окончательно подавлено. Отечественный исследователь П.И. Аверьянов, анализируя возможности совместной операции курдов с российскими войсками, пришел к выводу о том, что результат был бы успешен, если бы поднялся весь Курдистан, и восстание охватило бы арабские районы и другие азиатские части Турции.

Таким образом, Крымская война выявила глубокие противоречия между курдским населением и турецкими властями. Борьба курдского народа за освобождение от османского гнета в середине XIX в. потерпела поражение в силу ряда внутренних и внешнеполитических факторов и недооценки Россией роли курдского фактора в антиосманской политике. Вместе с тем, ряд приведенных в статье эпизодов о позиции России в курдском вопросе свидетельствует о том, что проблема курдов была в поле зрения русской дипломатии и военного ведомства и не сбрасывалась со счетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Из особого акта, заключенного в Туркманчае 10.02.1828 г. // Хрестоматия по новой истории. М., 1965. Т. 2.
2. Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е гг. XIX в.–1917 г.). М., 1964.
3. Особый акт (о торговле), заключенный в Туркманчае 10.02.1828 г. // Новая история Ирана: хрестоматия. М., 1988.
4. Аверьянов П.И. Курды в войнах с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Тифлис, 1910.
5. Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юхана И.И. Ассирийский вопрос во время и после Первой мировой войны. М., 1968.
6. Аверьянов П.И. Указ. соч.
7. Ункяр-Искелесский договор об оборонительном союзе между Россией и Турцией (8.VII.1833) // Хрестоматия по новой истории. М., 1965. Т. 2.
8. Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003.
9. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX в.). М., 1963.
10. Шарафканди С. Краткая история национального движения курдов. Стокгольм, 1995.
11. Письмо Н.В. Ханькова от 25 июля 1852 г. // Архив внешней политики Российской империи. Гл. арх. 1-9. Оп. 8.1848. Д. 12, ч. 5. Л. 209.
12. Ольшевский М.Я. Русско-турецкая война за Кавказом в 1853–1854 гг. // Русская старина. 1884. № 10–12.
13. Халфин Н.А. Указ. соч.